

ОТ АВТОРА МИРОВЫХ БЕСТСЕЛЛЕРОВ!

Энн Перри — известная британская писательница, признанная одним из лучших авторов современности. Перри автор 50 романов в жанре детектива и исторической прозы, обладательница престижных международных наград, среди которых премия Агаты и премия Эдгара Аллана По.

Константинополь, конец XIII века. Тщетны попытки объединения католического Рима и православной Византии. Молодая и отважная Анна Ласкарис прибывает в византийскую столицу в облике евнуха, чтобы освободить несправедливо заключенного брата Юстиниана. У Анны завязывается крепкая дружба с молодым венецианским красавцем-капитаном Джулиано Дандоло. Пребывая в столице, девушка работает лекаркой. Одной из ее пациенток оказывается довольно знаменитая особа Зоя Хрисафес. Зоя вместе с епископом Константином готовит вероломный заговор против византийского императора Михаила Палеолога. Интриги и тайны, предательства и дружба — в центре этого опасного приключения окажется хрупкая женщина, которой предстоит спасти империю, семью и любовь.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4333-0

9 786171 243330

ЭНН ПЕРРИ

*Блеск
Щелка*

ЭНН
ПЕРРИ

*Блеск
Щелка*

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

ANNE
PERRY

*The Sheen
on the Silk*

A NOVEL

ЭНН ПЕРРИ

*Блеск
шелка*

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
П26

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Perry A. The Sheen on the Silk : A Novel / Anne Perry. —
London : Headline Publishing, 2010. — 608 p.

Перевод с английского *Оксаны Благиной*

В оформлении обложки использован фрагмент картины
Жана-Батиста Илера
«*Yeni Camii and The Port of Istanbul*»

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

ISBN 978-617-12-4333-0
ISBN 978-0-7553-3908-2 (англ.)

© Anne Perry, 2010
© DepositPhotos.com / Anna-
Poguliaeva, обложка, 2017
© Nemiro Ltd, издание на рус-
ском языке, 2018
© Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», перевод
и художественное оформ-
ление, 2018

Посвящается Джонатану

Действующие лица

Венеция:

Лоренцо Тьеполо (1268—1275)
Джакопо Контарини (1275—1280)
Джованни Дандоло (1280—1289)

Джулиано Дандоло
Пьетро Контарини

Византия:

Анна Ласкарис (Анастасий Заридес)
Юстиниан Ласкарис (ее брат-близнец)
Епископ Константин
Зоя Хрисафес
Елена Комнена (дочь Зои)
Император Михаил Палеолог
Никифорас (дворцовый внуч)

Виссарион Комненос
Андреа Мочениго
Аврам Шахар
Ирина Вататзес
Деметриос Вататзес (ее сын)
Григорий Вататзес (ее муж)
Арсений Вататзес (двоюродный брат Григория)
Георгий Вататзес (сын Арсения)
Косьма Кантакузен
Лев (слуга Анны)
Симонис (служанка Анны)

Сабас (слуга Зои)
Фомаис (служанка Зои)

Карл, граф Анжуйский, король Неаполя и двух Сицилий
и младший брат короля Франции

Рим:

Папы:

Григорий Десятый (1271—1276)
Иннокентий Пятый (1276)
Адриан Пятый (1276)
Иоанн Двадцать Первый (1276—1277)
Николай Третий (1277—1280)
Мартин Четвертый (1281—1285)

Энрико Паломбара
Никколо Виченце (оба папские легаты)

Пролог

Молодой человек стоял на ступенях, привыкая к полумраку. В свете факела, мерцающем над поверхностью воды, подземный ход напоминал полузатопленный собор. В вышине виднелись капители колонн, поддерживающих каменные своды. Не доносилось ни звука — только шепот влажного ветра и эхо капавшей где-то за пределами видимости воды.

Виссарион стоял на каменной платформе несколькими ступенями ниже, у кромки воды. Он не выглядел испуганным. Красивое лицо в обрамлении волнистых черных волос было спокойно — почти неземное выражение, как на иконе. Неужели его вера действительно так крепка?

Господи, неужели не существует способа избежать этого, даже теперь?

Молодому человеку было холодно. Его сердце часто билось в груди, руки онемели. Он мысленно перебрал все доводы, но по-прежнему был не готов. Он никогда не сможет к этому подготовиться, но времени больше нет. Завтра будет поздно.

Он сделал еще один шаг. Виссарион обернулся. Его лицо на миг застыло от страха, но потом расслабилось, когда он узнал его.

— В чем дело? — резко спросил Виссарион.

— Нам нужно поговорить.

Молодой человек спустился по ступеням к самой воде и остановился в паре шагов от него. Липкие от волнения руки мелко дрожали. Молодой человек готов был отдать все, что у него было, чтобы избежать предстоящего разговора.

— О чем? — нетерпеливо поинтересовался Виссарион. — Все идет своим чередом. Что тут обсуждать?

— Мы не можем это сделать, — сказал молодой человек.

— Ты боишься?

В мерцающем свете невозможно было понять, что выражает лицо Виссариона, но говорил он без тени сомнения. Неужели его вера, его апломб никогда ему не изменяют?

— Страх тут ни при чем, — ответил молодой человек. — Горячность помогает его преодолеть. Но, если мы ошибаемся, это нас не спасет.

— Мы не ошибаемся, — тут же возразил ему Виссарион. — Всего одна смерть, для того чтобы спасти нас от медленного возвращения назад, к варварству и осквернению нашей веры... Мы уже обсуждали это!

— Я говорю не о моральной стороне вопроса. Я понимаю, что иногда нужно пожертвовать одним ради многих. — Молодой человек чуть не рассмеялся. Способен ли Виссарион понять возмутительную иронию ситуации? — По-моему, мы ошибаемся. — Ему было неприятно об этом говорить. — Византии нужен не ты, а Михаил — его жизнестойкость, хитрость, умение договариваться, манипулировать, натравливать наших врагов друг на друга.

Виссарион был ошеломлен, это было видно даже в изменчивом, пляшущем свете факела — в чертах его лица, в наклоне головы, в повороте плеч.

— Ты предатель! — прорычал он удивленно. — А как же Церковь? — требовательно спросил Виссарион. — Ты и Бога готов предать?

Это было самое страшное, именно этого молодой человек и боялся. Виссарион совершенно не понимал, что не способен вести за собой. Почему он не догадался об этом раньше? Надежды ослепили его, и теперь у него не осталось выбора.

Голос молодого человека дрогнул.

— Если город падет, мы не спасем Церковь, а если сделаем то, что запланировали на завтра, это станет неизбежным.

— Иуда! — с горечью произнес Виссарион.

Он порывисто развернулся, но споткнулся, не встретив сопротивления.

Это было ужасно, словно самоубийство, и даже хуже. Размышлять было некогда. Содрогнувшись от внутреннего спазма, он сделал это — бросился на Виссариона. Раздался всплеск. Виссарион вскрикнул от неожиданности. Молодой человек прыгнул в чистую холодную воду вслед за своей жертвой, пока та еще

не пришла в себя. Он нашел голову Виссариона, обеими руками вцепился ему в волосы и навалился всем телом, погружая его под воду и удерживая там.

Виссарион сопротивлялся, пытаясь вынырнуть на поверхность, но ему не на что было опереться, и поэтому у него не было шансов справиться с человеком, который был сильнее его и готов был пожертвовать всем во имя веры.

Наконец борьба прекратилась. Поверхность воды успокоилась. Тишина черной тенью выползла из тоннелей подземелья.

Молодой человек присел на камни, дрожа от холода. Его тошнило. Но нужно довести дело до конца. Убийца заставил себя встать. Все его тело болело, словно после побоев. Он поднялся по ступеням. Его лицо было мокрым от слез.

❖ Глава 1 ❖

Анна Заридес стояла на каменном пирсе, глядя на константинопольский маяк, от которого ее отделяли темные воды Босфора. Огни маяка освещали небо, усеянное тускнеющими мартовскими звездами. Это было красиво, но она с нетерпением ждала рассвета. Анне хотелось увидеть крыши домов и, один за другим, чудесные дворцы, церкви и башни.

Ветер успокоил волны, гребни которых были едва видны. Анна слышала, как они шипят и шуршат, накатывая на усыпанный галькой берег. Вдали на мысе первые рассветные лучи скользнули по массивному высокому куполу. Казалось, он испускает тускло-красное свечение. Храм Святой Софии — Премудрости Божией, величайшая церковь в мире, сердце и душа христианской веры.

Анна пристально вглядывалась в него, пока рассвет вступал в свои права. Стали видны крыши домов, беспорядочная путаница башен и куполов. Слева от храма Святой Софии, на линии горизонта Анна рассмотрела четыре высокие, тонкие как иглы колонны, устремленные в небо. Она знала, что это памятники великим василевсам прошлого. Императорские дворцы тоже должны быть где-то там, а также Ипподром. Но Анна видела лишь тени да отблески белого мрамора то тут, то там, деревья и бесконечные крыши города, который был значительно больше Рима, Александрии, Иерусалима и Афин.

Теперь она отчетливо разглядела узкую полоску, уже заполненную судами. Анна с трудом различала извилистую береговую линию и что-то вроде гавани, заполненной частоколом мачт, покачивающимся в спокойных водах за волнорезами.

Небо постепенно бледнело, и на горизонте появился край ослепительно сверкающего диска. На севере изогнутый вход в Золотой Рог напоминал полоску расплавленной бронзы. Начиналось прекрасное весеннее утро.

Приближалась первая за сегодняшний день лодка. Волнуясь перед встречей с незнакомыми людьми, Анна шла вдоль края пирса, глядя на неподвижную воду у камней. Она увидела собственное отражение: спокойные глаза, подвижное лицо, высокие скулы и мягкий рот. Волосы обрезаны до подбородка. Они не были украшены, не были скрыты под покрывалом.

Легкая деревянная лодка, достаточно большая, чтобы выдерживать полдюжины пассажиров, находилась на расстоянии менее ста ярдов. Гребцы боролись с жестким ветром и течением, своенравным и капризным в этом месте, в узком проливе между Европой и Азией. Анна глубоко вздохнула, почувствовав, как врезается в тело плотная нагрудная повязка и сползает специальная подушка, надетая на талию, чтобы скрыть женственные изгибы ее тела. Анна уже носила это одеяние, но сейчас чувствовала себя в нем неуклюжей. Она вздрогнула и плотнее закуталась в накидку.

— Нет, — сказал Лев за ее спиной.

— В чем дело? — Анна обернулась, чтобы взглянуть на него.

Лев был высоким, узкоплечим, с гладкими, как у юнца, щеками. Сейчас его круглое лицо было озабочено, брови нахмурены.

— Твои движения... — мягко ответил внуч. — Не реагируй на холод как женщина.

Анна отшатнулась, злясь на себя за такую глупую ошибку. Она всех их могла поставить под угрозу...

— Ты не передумала? — с сомнением спросила Симонис. — Еще не поздно...

— Я все исправлю, — убежденно произнесла Анна.

— Тебе нельзя ошибиться, Анастасий. — Лев нарочно назвал имя, которое выбрала Анна. — Иначе ты будешь наказан за этот маскарад как мужчина. То есть как внуч.

— Я буду предельно осторожна, — пообещала Анна.

Она знала, что будет сложно. Но по крайней мере одной женщине это уже удалось. Ее звали Марина, и она вступила в монастырскую общину под видом внуча. Никто не узнал ее тайны до самой смерти.

Анна едва удержалась, чтобы не спросить у Льва, не хочет ли он вернуться, но это было бы оскорблением, которого он не заслуживал. И к тому же она должна наблюдать за ним, копировать его движения...

Лодка подошла к пристани, и молодой красивый гребец выпрямился с особой грацией человека, привычного к морской качке. Он закрепил канат вокруг стойки, затем спрыгнул на дощатый причал и улыбнулся.

Анна в самый последний момент удержалась от ответной улыбки. Она откинула плащ, и холод тотчас же пробрал ее до костей. Паромщик прошел мимо нее и подал руку Симонис, которая была старше, полнее и к тому же являлась, несомненно, женщиной. Анна шагнула следом за ней. Лев зашел в лодку последним, неся их скудную поклажу: ее драгоценные снадобья и инструменты. Гребец сел на весла, и они отчалили, отдавшись на волю течения.

Анна не оглянулась. Она оставила позади все, что было знакомо ей с детства, не зная, увидит ли это снова. Это не имело значения. Важна была лишь цель, которую ей предстояло достичь.

Они отошли довольно далеко от берега. Прямо из воды поднимались остатки волноотбойной стены, разрушенной латинянами-крестоносцами, которые семьдесят лет назад разграбили и сожгли город и изгнали его жителей¹. Анна смотрела на эту стену, такую огромную, словно ее сотворила сама природа, а не люди, и удивлялась, как кто-то вообще осмелился атаковать такую громадину — и при этом добился успеха.

Ухватившись за планширь, Анна поворачивалась на сиденье то влево, то вправо, чтобы получше рассмотреть величественный город. Казалось, люди застроили каждый уступ скалы, каждый холм, каждую бухточку. Крыши домов располагались так близко друг к другу, что казалось, будто можно шагнуть с одной на другую.

Лодочник улыбался: его позабавило удивление Анны. Она почувствовала, что ее щеки вспыхнули от стыда, и отвернулась.

Они подплыли достаточно близко к городу, и Анна смогла рассмотреть камни, заросшие сорняками дворы и черные подпалины, оставленные пожаром. Она была поражена тем, что разрушения выглядели довольно свежими, хотя прошло уже одиннадцать лет с тех пор, как в 1262 году Михаил Палеолог привел жителей Константинополя домой из провинций, куда их изгнали захватчики.

¹ Речь идет о Четвертом крестовом походе (1202—1204). (*Здесь и далее примеч. ред.*)

Теперь Анна тоже была в этом городе — впервые в жизни и с особой целью.

Лодочник напрягся, сражаясь с мощной волной, которую подняла прошедшая мимо триера, направлявшаяся в открытое море. У нее были высокие борта, три ряда весел, которые синхронно погружались в воду и поднимались на поверхность — и тогда капли, словно драгоценные камни, сверкали, стекая с мокрых лопастей. За триерой виднелись еще два судна почти правильной круглой формы. Моряки суетливо опускали паруса, спеша закрепить их, чтобы успеть бросить якорь в нужном месте. Анна пыталась угадать, пришли ли эти корабли с Черного моря и что они собирались делать в Константинополе.

За волнорезами море было спокойным. Где-то смеялись, и звук разносился над водой, заглушаемый плеском волн и криками чаек.

Лодочник направил лодку к набережной, и она легонько стукнулась о камни. Анна заплатила ему четыре медных фоллиса, всего на миг встретившись с ним взглядом, встала и ступила на берег, давая ему возможность помочь Симонис выбраться из лодки.

Следует нанять транспорт, чтобы перевезти сундуки, потом найти постоянный двор, где можно получить кров и пищу, до тех пор пока она не подыщет съемное жилье и не обзаведется лекарской практикой. Здесь Анне никто не мог помочь, никто не мог дать ей рекомендации. В Никее, древней величественной столице Вифинии, расположенной на юго-востоке, по другую сторону Босфора, было иначе. Там лучшей рекомендацией для Анны было доброе имя ее отца. Константинополь находился всего в одном дне пути оттуда, но Анне казалось, будто она очутилась в другом мире. У нее не было никого, кроме Льва и Симонис. Они были беззаветно преданы своей хозяйке и, даже зная правду, все равно последовали за ней.

Анна двинулась вперед, по истертым камням набережной, между тюками шерсти, коврами, сырым шелком, посудой, мраморными плитами, ценными породами древесины и небольшими мешочками, источавшими пряные ароматы. В воздухе витали и менее приятные запахи — рыбы, кож, навоза и человеческого пота.

Она дважды обернулась, чтобы убедиться в том, что Лев и Симонис по-прежнему идут следом за ней.

Анна с детства знала, что Константинополь — центр мира, перекресток Европы и Азии, и гордилась этим. Но теперь мешанина чужих голосов, греческая речь, перемежающаяся незнакомыми наречиями, ее ошеломила.

Мужчина с блестящим от пота голым торсом, согнувшийся под тяжестью огромного мешка, столкнулся с Анной, пробормотал что-то и, пошатываясь, побрел дальше. Жестящик с ведром и котелками громко рассмеялся и сплюнул на землю. Мимо бесшумно прошел мусульманин в тюрбане и черном шелковом халате.

Анна пересекла улицу, шагая по неровным булыжникам. Лев и Симонис следовали за ней. На противоположной стороне улицы стояли четырех- и пятиэтажные здания. Проходы между ними оказались уже, чем ожидала Анна. Там неприятно пахло прокисшим вином, а шум на пристани стоял такой, что даже здесь, на противоположной стороне улицы, нельзя было разговаривать спокойно. Анна повела спутников вверх по склону холма, прочь от причала.

Слева и справа располагались всевозможные лавки, над ними — жилые помещения, об этом можно было догадаться по вывешенному в окнах выстиранному белью. Через несколько кварталов стало заметно тише. Они прошли мимо пекарни, и запах свежеепеченного хлеба вдруг напомнил Анне о доме.

Они продолжали подниматься. Руки Анны болели от тяжести лекарственных принадлежностей. Лев наверняка устал еще больше, ведь его ноша была еще тяжелее. А Симонис несла одежду.

Анна ненадолго поставила свою сумку на землю.

— Нам следует найти место, где можно будет остановиться на ночлег. Или хотя бы оставить свои вещи. И еще нам нужно поесть. Никогда в жизни не видела столько людей.

— Хочешь, я понесу твою сумку? — спросил Лев, но он и без того выглядел очень усталым и нес гораздо больше, чем Анна и Симонис.

Вместо ответа Анна снова взяла сумку и двинулась вперед. Вскоре они нашли уютный постоялый двор, где подавали обед. Тут были отличные перины, набитые гусиным пухом, и чистые плотняные простыни. В каждой комнате стояла довольно большая бадья, в которой можно было искупаться, и уборная с трубчатым стоком. Комната стоила восемь фоллисов за ночь — без

учета питания. Это было дорого, но Анна сомневалась, что сможет найти что-нибудь дешевле.

Она боялась выходить на улицу, боялась совершить еще одну ошибку — сделать женственный жест или даже не отреагировать на что-то. Этого будет достаточно, чтобы люди пригляделись к ней внимательнее и заметили различие между ней и настоящим евнухом.

Анна и ее спутники пообедали на постоялом дворе — свежей кефалью и пшеничным хлебом. Потом задали несколько осторожных вопросов о более дешевом жилье.

— О, его нужно искать подальше от берега, — добродушно заметил их сосед по столу, невысокий седой человек в поношенной тунике, которая доходила ему лишь до колен. Ноги его были обмотаны тканью, чтобы было теплее, но работать в таком одеянии было невозможно. — Чем дальше на запад, тем дешевле. Вы приезжие?

Не было смысла это отрицать.

— Из Никеи, — уточнила Анна.

— А я из Сестоса¹. — Мужчина усмехнулся беззубым ртом. — Рано или поздно все попадают сюда.

Анна поблагодарила его за подсказку, и на следующий день они наняли осла, погрузили на него свои вещи и переехали на более дешевый постоялый двор — ближе к западной окраине у городской стены, недалеко от ворот Харисия.

В ту ночь Анна лежала в постели, прислушиваясь к незнакомым звукам города. Константинополь, сердце Византии... Она с детства слышала истории об этом городе, которые рассказывали ее родители и бабушки с дедушками. И вот она здесь. Византия казалась ей такой странной, такой огромной, что у Анны просто не хватало воображения, чтобы осознать ее размеры.

Но, сидя в четырех стенах, она ничего не добьется. Для того чтобы выжить, ей придется с утра начать поиски дома, в котором она сможет принимать пациентов.

Несмотря на усталость, Анне никак не удавалось уснуть. Когда же сон все-таки сморил ее, ей привиделись незнакомые лица. Во сне Анна панически боялась заблудиться.

¹ Сестос (Сест) — город во Фракии.

По рассказам отца она знала, что Константинополь с трех сторон окружен водой. Его главная улица называется Меса, она похожа на букву «У». Два рукава встречаются у форума Амастриана, и дальше улица тянется на восток, до самого моря. Отец говорил, что все известные здания расположены вдоль нее: собор Святой Софии, форум Константина, Ипподром, старинные императорские дворцы и, конечно, лавки, где продают изысканные артефакты, шелка, специи и драгоценные камни.

Анна и ее спутники отправились в путь утром и шли очень быстро. Воздух был свежим. Продуктовые лавки были открыты, и почти на каждом углу были переполненные пекарни, но у Анны и ее спутников не было времени на то, чтобы остановиться и полакомиться свежей выпечкой. Они блуждали по причудливому переплетению узких улочек, которые прорезали город от спокойных вод Золотого Рога на севере до Мраморного моря на юге. Несколько раз путешественникам приходилось прижиматься к стенам, пропуская осликов, запряженных в повозки, на которых высились товары на продажу — в основном овощи и фрукты.

Когда Лев, Симонис и Анна дошли до того места, где Меса расширялась, мимо них, высокомерно задрав голову, прошествовал верблюд. За ним шел какой-то человек, согнувшись под огромной кипой хлопка. Центральная улица была заполнена народом. Кроме местных жителей, греков, Анна заметила в толпе мусульман в турбанах, болгар с коротко остриженными волосами, темнокожих египтян, голубоглазых скандинавов и скуластых монголов. Женщина спросила себя, не чувствуют ли они себя здесь чужаками, так же как и она. Не пугает ли их этот огромный город, суэта, буйство красок, яркие одежды, лавки с разноцветными навесами — пурпурными, синими, золотыми, бледно-розовыми.

Анна не знала, с чего начать. Видимо, придется расспросить прохожих.

— Нам нужна карта, — сказал Лев, нахмурившись. — Город слишком большой, и без нее нам не разобраться, где мы находимся.

— Следует искать приличный жилой район, — добавила Симонис, вероятно, вспомнив о доме, который они оставили в Никее.

Но она хотела приехать сюда почти так же, как и Анна. Юстиниан, брат-близнец Анны, всегда был любимцем Симонис. Служанка горевала, когда он уехал из Никеи, чтобы поселиться

в Константинополе. Когда Анна получила последнее, отчаянное письмо о его изгнании, Симонис не могла думать ни о чем, кроме спасения Юстиниана. Лев же, сохраняя хладнокровие, настаивал на том, чтобы сначала спланировать их действия. Он прежде всего заботился о безопасности Анны.

Им понадобилось еще несколько минут, чтобы найти лавку, в которой продавали рукописи. Там они спросили о карте.

— О да, — немедленно отозвался лавочник.

Невысокий, жилистый, с седыми волосами и широкой улыбкой, он открыл ящик, стоявший позади него, и вытащил несколько свитков. Лавочник развернул один из свитков и показал его Анне.

— Видите? Четырнадцать районов. — Он ткнул пальцем в треугольник, нарисованный черными чернилами. — Это Меса, она идет вот сюда. — Лавочник показал на карте. — Тут стена Константина, а там, на западе, — стена Феодосия. Здесь изображено все, кроме тринадцатого района, расположенного на другом берегу Золотого Рога, на севере. Он называется Галата. Но вы вряд ли захотите жить в этом месте. Там селятся одни чужеземцы. — Он свернул свиток и вручил его Анне. — Карта стоит два солида.

Услышав цену, Анна была потрясена и даже заподозрила: лавочник каким-то образом догадался, что она не местная, и решил воспользоваться ее неосведомленностью. Тем не менее она отдала торговцу требуемую сумму.

Они шли по Месе, стараясь не глазеть по сторонам, подобно провинциалам. Вдоль ряд за рядом выстроились прилавки торговцев, укрытые разноцветными навесами. И хотя ткань была крепко привязана к деревянным столбам, она трепетала при каждом сильном порыве ветра, словно была живой и изо всех сил старалась вырваться на волю.

В первом квартале были торговцы специями и благовониями. Воздух тут был напоен чудесными ароматами, и Анна с удовольствием его вдыхала. У нее не было ни времени, ни денег, но она не могла оторвать взгляд от этого великолепия. Ничто не сравнится с шафраном насыщенного желтого цвета, с богатыми оттенками коричневого мускатного ореха... Анна знала лечебные свойства этих специй — даже экзотических. Дома, в Никее, ей приходилось заказывать их и дополнительно платить за доставку. А здесь они лежали на прилавках, словно самый обычный товар.

— В этом районе много денег, — заметила Симонис с оттенком неодобрения.

— И, что еще важнее, у его обитателей уже наверняка есть свой лекарь, — добавил Лев.

Они оказались среди лавок парфюмеров. Тут было больше женщин, чем в других кварталах. Многие из них явно были богаты. Они облачались в традиционные далматики¹, закрывавшие тело от шеи почти до земли, а волосы прятали под головными уборами и покрывалами. Мимо, улыбаясь, прошла какая-то женщина, и Анна заметила, что у нее очень аккуратно подкрашены брови и ресницы. На губах была красная глина, благодаря чему они выглядели очень яркими.

Анна услышала смех незнакомки, когда та встретилась с подругой. Женщины стали вдвоем выбирать благовония. Их парчовые наряды, украшенные вышивкой, трепетали на ветру, будто лепестки цветов. Анна позавидовала беззаботности этих женщин.

Ей придется искать пациентов победнее, как женщин, так и мужчин, иначе она никогда не узнает, почему Юстиниан, который раньше был фаворитом при императорском дворе, в мгновение ока попал в опалу, а затем отправился в ссылку. Хорошо хоть остался жив. Что произошло? И что ей сделать, чтобы добиться справедливости?

На следующий день, придя к взаимному согласию, Анна и ее спутники углубились дальше, в боковые улочки и переулки, жилые кварталы к северу от центра, недалеко от гигантских арок акведука Валента.

Лев, Симонис и Анна шли по такой узкой улочке, что там едва могли бы разминуться два осла. Слева была лестница. Подумав, что сверху будет легче определить направление, Анна и ее спутники стали подниматься по ступеням, повернув сначала в одну сторону, затем в другую. Анна чуть не споткнулась о выбоины в ступенях.

Внезапно проход закончился, и они очутились в маленьком дворике. Увиденное потрясло Анну. Стены, покрытые пятнами

¹ Далматика — *здесь*: верхняя мужская и женская одежда, туника из шерсти или шелка с рукавами до запястий.

сажи, были разрушены, в некоторых из них сквозили дыры. Выщербленный мозаичный пол был покрыт обломками камней и осколками плитки и черепицы, дверные проемы заросли сорняками. Единственная сохранившаяся башня потемнела от копоти. Анна видела, что Симонис едва сдерживает рыдания. Лев стоял молча, его лицо сильно побледнело.

Ужасное вторжение 1204 года... Казалось, оно произошло совсем недавно, а не семьдесят лет назад. Теперь было понятно многое из того, что они видели раньше: улицы, дома на которых зарастали сорняками и постепенно ветшали, разрушенные причалы, которые Анна разглядела сверху. Ее поражала бедность города, который сначала показался ей самым богатым в мире. Люди вернулись сюда лет десять назад, но раны на теле Византии были еще свежи.

Анна отвернулась. Она представила, что творилось в городе во время нашествия крестоносцев, и задрожала от ужаса, хотя на небе сияло яркое весеннее солнце и они со Львом и Симонис были надежно защищены от ветра.

К концу недели они нашли дом в удобном жилом районе на склоне холма, к северу от центральной улицы, между стенами Феодосия и Константина. Из некоторых окон Анна могла видеть огни на берегах Золотого Рога и проблески морской синевы между крышами соседских домов, благодаря чему город казался бесконечным.

Здание было небольшим, но находилось в хорошем состоянии. Полы были выложены красивой плиткой. Анне особенно приглянулся дворик с простым мозаичным узором и двумя виноградными лозами, которые оплетали дом до самой крыши.

Симонис понравилась кухня. Хоть служанка и отпустила несколько пренебрежительных замечаний о ее размерах, но внимательно обследовала каждый уголок, провела рукой по мраморным поверхностям, осмотрела глубокую раковину и тяжелый стол. Там была небольшая комната для хранения зерна и овощей, со стеллажами и ящиками для специй, и, как и во всех хороших районах города, в неограниченном количестве имелась пресная вода, хоть и немного солоноватая на вкус.

Дом был довольно большим: несколько спален, столовая, приемная, где пациенты могли ожидать, пока их примут, и помещение

для осмотра больных. Была и еще одна комната с тяжелой дверью, на которую Лев повесил замок. В ней можно было хранить травы, мази, притирки и настойки, а также хирургические инструменты, иглы и шелковые нити. Здесь Анна поместила деревянный шкафчик с многочисленными ящичками, в которые сложила все травы, которые у нее были, и снабдила надписями, чтобы не ошибиться.

Несмотря на объявление, которое Анна оставила перед домом, заявив о своей профессии, пациенты к ней не приходили. Придется самой их искать. Нужно дать людям знать о своем существовании и о своих навыках.

В полдень Анна стояла на солнцепеке на ступенях постоянного двора. Она толкнула дверь и вошла внутрь. Пройдя через толпу, женщина заметила стол, возле которого стоял один свободный стул. За остальными сидели люди — они ели и возбужденно переговаривались. По крайней мере один из них был евнухом. Он был высоким, с длинными руками, мягкими чертами лица и высоким голосом.

— Могу ли я занять это место? — спросила Анна.

Евнух пригласил ее присесть. Возможно, ему было приятно увидеть собрата по несчастью.

Пришел слуга и предложил Анне еду — рубленые куски жареной свинины, завернутые в пшеничные лепешки.

— Спасибо, — сказала женщина. — Я только что переехал в дом с голубой дверью, расположенный выше по склону. Меня зовут Анастасий Заридес. Я — лекарь.

Один из сидевших за столом мужчин пожал плечами и представился.

— Буду иметь в виду, когда заболею, — сказал он добродушно. — Если ты умеешь шивать раны, можешь оставаться. После того как мы закончим спор, тебе будет чем заняться.

Анна не знала, что ответить. Она была не уверена, что он шутит: входя, она действительно слышала разговор на повышенных тонах.

— У меня с собой есть и игла, и шелковые нити, — сказала Анна на всякий случай.

Мужчина рассмеялся.

— Если на нас нападут, этого будет недостаточно. Как насчет воскрешения из мертвых?

— Мне никогда не хватало духу попробовать, — ответила Анна, стараясь, чтобы ее слова прозвучали как можно естественнее. — А разве не этим занимаются священники?

Все расхохотались, но она уловила в этом смехе горькие нотки страха и поняла, каково здесь общее настроение. Прежде Анна не обращала на это внимания, стремясь побыстрее найти дом и приступить к работе.

— Каких священников ты имеешь в виду? — резко спросил один из мужчин. — Православных или католических? На чьей ты стороне?

— Я православный, — тихо произнесла Анна, понимая, что должна что-то сказать.

Ее молчание восприняли бы как обман.

— Тогда тебе придется молиться усерднее, — сказал ей мужчина. — Видит бог, нам это необходимо! Вот, выпей вина, лекарь!

Протянув ему свою чашу, Анна заметила, что у нее дрожит рука, и торопливо поставила чашу на стол.

— Спасибо.

Когда чашу наполнили, Анна подняла ее, заставив себя улыбнуться.

— Желаю вам не знать, что такое болезни... Ну, разве что кроме легкой сыпи или случайных нарывов. Я хорошо с ними справляюсь и беру за свои услуги недорого.

Все снова рассмеялись и выпили вино.

❖ Глава 2 ❖

Анна один за другим обошла соседние дома, представилась и сообщила о своей профессии. У некоторых уже были лекари, но она это предвидела. Анна объясняла, что специализируется на кожных проблемах, особенно на ожогах, — и тут же уходила, ни на чем не настаивая.

Она покупала домашнюю утварь наилучшего качества в небольших лавочках, расположенных недалеко от ее дома. Там Анна также представлялась и рассказывала о своих умениях

и навыках. В обмен на обещание расхваливать их товар лавочки соглашались рекомендовать ее услуги своим покупателям.

Через неделю к Анне обратились за консультацией всего двое больных. Их хворь была незначительной — зуд и воспаление. После обширной практики, которую Анна унаследовала от отца в Никее, это показалось ей пустяком. Она изо всех сил старалась скрывать свое разочарование перед Львом и Симонис.

Третья неделя оказалась более удачной. Анну вызвали к пожилому мужчине, которого сбили с ног на улице. У него на голених и бедрах были серьезные раны и ссадины. Мальчик, которого послали за Анной, описал травмы достаточно подробно, и она поняла, какие снадобья нужно взять с собой. Через полчаса старику стало гораздо лучше, и уже на следующий день он расхваливал нового лекаря на все лады. Слухи об искусном врачевателе распространились довольно быстро, и за несколько дней число пациентов Анны утроилось.

Теперь она могла приступить к сбору информации.

Очевидно, лучше всего начать с епископа Константина, с чьей помощью Юстиниан послал последнее письмо. Раньше брат Анны постоянно писал о епископе, подчеркивая его преданность православной вере, мужество в противостоянии Риму и доброту по отношению к нему самому, тогда еще никого не знавшему в городе. Юстиниан также отмечал, что Константин был евнухом, и из-за этого Анна нервничала теперь особенно сильно. Крепко сжав руки, она стояла в комнате для приема больных среди знакомых запахов мускатного ореха, мускуса, гвоздики и камфоры. Необходимо следить за выражением лица, за каждым жестом. Малейшая ошибка вызовет у Константина подозрение, заставит его присмотреться к посетителю внимательнее. И тогда он обо всем догадается и может подумать, что она над ним издевается.

Анна нашла Льва на кухне, где Симонис накрывала на стол. Пшеничный хлеб, свежий сыр, зелень, салат, заправленный уксусом из морского лука, как и положено в апреле. Существовали четкие правила, что можно, а чего нельзя есть в каждом месяце, и Симонис знала их назубок.

Когда Анна вошла, Лев обернулся и отложил в сторону инструменты, с помощью которых чинил шкаф. С тех пор как они поселились в этом доме, Анна поняла, что у него золотые руки.

— Пришло время встретиться с епископом Константином, — тихо сказала она. — Но прежде, чем я это сделаю, мне нужен еще один урок... пожалуйста.

Она могла бы заниматься медицинской практикой и не скрывая своего пола, но тогда имела бы право врачевать лишь женщин, а значит, смогла бы узнать о жизни Юстиниана гораздо меньше. А евнух мог войти куда угодно.

Было еще одно соображение, менее важное, но все равно не дававшее ей покоя: Анна не хотела, чтобы ее заставили снова выйти замуж. Она была вдовой и, хотя иногда могла думать о Евстафии без ярости или боли, считала для себя повторный брак невозможным.

— Ты слишком стараешься быть похожей на мужчину, — сказал Лев. — Есть несколько типов евнухов, в зависимости от того, когда их кастрировали. Некоторые из нас выглядят почти как обычные мужчины, но, учитывая твоё хрупкое телосложение, мягкую кожу и высокий голос, тебе следует притворяться, будто тебя кастрировали в детстве. И не забывай об осторожности, иначе ты привлечешь к себе внимание.

Анна наблюдала за тем, как Лев перемещается по комнате. Он был высоким, худощавым, немного сутулым (годы брали свое), но при этом удивительно сильным. Его тонкие руки могли бы сломать деревянную палку, которую Анне не удалось даже согнуть. Лев двигался со своеобразной грацией, ни мужской, ни женской. Нужно скопировать его походку...

— Если ты наклоняешься, — говорил Анне Лев, — нужно делать это вот так... — Он показал ей, как именно. — А не так.

Он наклонился, чуть развернувшись, как женщина. Анна тотчас заметила разницу и прокляла собственную беспечность.

— А руки? Ты не жестикулируешь, когда говоришь. Смотри...

Лев сделал красноречивый жест. Его пальцы двигались грациозно, но не женственно.

Анна старательно повторила.

Симонис внимательно наблюдала за ними, ее темное, когда-то привлекательное лицо встревоженно нахмурилось. Неужели она тоже боится? Симонис наверняка видит разницу между движениями Льва и Анны, замечает ошибки хозяйки.

— Еда испортится, — сказала служанка сухо.

Позже Анна встала из-за стола и ушла к себе, чтобы переодеться.

На улице было прохладно, шел легкий дождь. Но до дома епископа было не так уж далеко, чуть меньше мили. Он жил на другой стороне стены Константина, недалеко от храма Святых Апостолов. Анна быстро шла по улице, время от времени поглядывая на воды залива внизу, у подножия холма.

Пожилой слуга впустил ее в дом. Он с печальным видом сообщил Анне, что епископ Константин в настоящее время занят, но он ожидал ее прихода и скоро освободится. Лицо у слуги было мягкое, безбородое. Он смотрел на Анну без всякого интереса.

Она ждала приема в большой комнате с украшенным мозаикой полом и стенами цвета охры; две величественные иконы, казалось, светились в полумраке. На одной, в синих и золотых тонах, в украшенном драгоценными камнями окладе, была изображена Дева Мария, на другой — Спас Вседержитель, написанный теплыми, желто-коричневыми красками.

Уловив легкое движение, Анна оторвала взгляд от икон земной красоты и сквозь арочный проем посмотрела в более светлую комнату и видневшийся за ней внутренний дворик. В ярком солнечном свете она заметила крупную фигуру епископа в светлом одеянии. На его лице светилась улыбка. Он протягивал руку женщине, опустившейся перед ним на колени. Темный плащ растекся по полу у ее ног. Волосы женщины были уложены в замысловатый узел. Ее губы коснулись золотого перстня с драгоценным камнем, надетого на палец епископа. Эта сцена выглядела как символ всепрощения.

Умиротворяющая картина вызвала у Анны приступ душевной боли. Ей мучительно захотелось опуститься на колени, попросить прощения и почувствовать, как с ее плеч снимают тяжелый груз. Но это было невозможно.

Женщина встала. Ее лицо было мокрым от слез. Похоже, она была ровесницей Анны.

Константин осенил женщину крестным знаменем и что-то произнес, но с такого расстояния невозможно было расслышать, что именно. Женщина повернулась и вышла через другую дверь. Анна шагнула вперед. Настало время действовать. Если

она сможет пройти это испытание, впереди ее ждут еще тысячи подобных.

Константин с улыбкой приветствовал Анну.

— Меня зовут Анастасий Заридес, ваше преосвященство, — почтительно произнесла она. — Я лекарь, недавно прибывший из Никеи.

— Добро пожаловать в Константинополь, — приветливо ответил священник.

Его голос был глубже, чем у большинства евнухов. Похоже, его кастрировали уже после полового созревания. Лицо священника было безбородым, под мощной челюстью намечался второй подбородок. Светло-карие глаза смотрели внимательно и цепко.

— Чем могу помочь?

Он был вежлив, но интереса не выказывал.

У Анны уже готов был ответ.

— Мой дальний родственник, Юстиниан Ласкарис, писал мне, что вы очень помогли ему в трудные времена, — начала она. — Я долго не получал от него вестей, а потом до меня дошли тревожные слухи о какой-то трагедии, но я не осмелился разузнать подробнее, чтобы не навлечь на него беды.

Анну пробрала дрожь, несмотря на то что в комнате было тепло. Священник смотрел на ее лицо, на то, как она стояла, безвольно опустив руки, словно женщина, выражающая почтение. Анна поднесла ладони к груди, но потом, не зная, что с ними делать, снова уронила их вдоль тела. Что мог знать о Юстиниане этот епископ? Что его родители умерли? Что он был вдовцом? Она должна быть осторожна.

— Его сестра очень тревожится, — добавила Анна.

По крайней мере, это было правдой.

Большое лицо Константина сохраняло серьезность. Он медленно кивнул.

— Боюсь, у меня для нее не очень хорошие новости, — ответил епископ. — Юстиниан жив, но находится в изгнании, в пустыне за пределами Иерусалима.

Анне удалось изобразить изумление:

— Но за что его изгнали? Что он сделал, чтобы заслужить такое наказание?

Константин поджал губы.

— Убит Виссарион Комненос, и Юстиниана обвинили в соучастии. Это преступление потрясло весь город. Виссарион был не только человеком благородного происхождения, многие считают его кем-то вроде святого. Юстиниану повезло, что его не казнили.

Во рту у Анны пересохло, она почувствовала, что ей трудно дышать. В роду Комненосов на протяжении многих поколений были императоры — еще до Ласкарисов и Палеологов.

— Вы помогли ему в этой трудной ситуации, — произнесла она, словно делая для себя какой-то вывод. — Но зачем Юстиниану участвовать в этом преступлении?

Константин задумался.

— Ты слышал, что примерно через год император собирается направить послов к понтифику? — спросил он, не скрывая раздражения.

Его эмоции лежали на поверхности, словно чувства женщины. Это было свойственно евнухам.

— До меня доходили кое-какие слухи, — ответила Анна. — Но я надеялся, что это неправда.

— Это правда, — хрипло возразил священник. Его тело напряглось, лицо побледнело, сильные руки непроизвольно поднялись к груди. — Как бы кощунственно это ни звучало, император Михаил готов уступить, сдаться, чтобы спасти город от крестоносцев.

Анна понимала, что, несмотря на страстную речь, епископ пристально за ней наблюдает.

— Пресвятая Богородица спасет нас, если мы ей доверимся, — ответила она, — как уже было в прошлом.

Тонкие брови Константина удивленно поползли вверх.

— Ты что, недавно приехал в город и еще не видел пожарищ, оставшихся после нашествия крестоносцев, случившегося семьдесят лет назад?

Анна нервно сглотнула, собираясь с силами.

— Но ведь наша вера осталась чистой, — наконец произнесла она. — Я предпочту умереть, чем предать Господа нашего римлянам.

— Ты человек твердых убеждений, — сказал Константин, и его лицо медленно расплылось в улыбке.

Анна вернулась к расспросам:

— Зачем Юстиниану убивать Виссариона Комненоса?

— Конечно, он его не убивал, — сокрушенно ответил Константин. — Юстиниан прекрасный человек. Он был так же против объединения с Римом, как и Виссарион. Существуют другие предположения, истинность которых мне неизвестна.

— Какие предположения? — Анна вовремя вспомнила, что должна демонстрировать почтение, и быстро опустила взгляд. — Вы можете мне сказать, чьим соучастником считают Юстиниана? И что произошло с этим человеком?

Константин поднял руки. Это был элегантный жест, и все же он был лишен мужественности. Анна отчетливо ощущала, что он не мужчина, но и не женщина. При этом он оставался страстным и чрезвычайно умным человеком. Епископ был именно тем, кем притворялась она.

— Убийцу зовут Антонин Кириаки. — Голос Константина вывел Анну из задумчивости. — Он был казнен. Они с Юстинианом были близкими друзьями.

— Значит, вы спасли Юстиниана? — спросила Анна хриплым шепотом.

Епископ медленно кивнул:

— Спас. Его приговорили к «изгнанию в пустыню».

Она тепло, с искренней благодарностью улыбнулась священнику:

— Благодарю вас, ваше преосвященство. Вы ободрили и укрепили мое сердце в борьбе за сохранение веры.

Он улыбнулся в ответ и осенил ее крестным знамением.

Анна вышла на улицу. Ее обуревали разнообразные чувства: тревога, благодарность, страх перед будущим. Константин произвел на нее большое впечатление: сильный, благородный человек, непоколебимый в чистой, абсолютной вере.

Конечно, Юстиниан не убивал. Несмотря на явные различия между ними, он был ее братом-близнецом, и Анна знала его так же хорошо, как и себя. Юстиниан написал ей перед самым отъездом, упомянув о том, что епископ Константин ему помог, но не уточнил, почему и каким образом.

Теперь целью Анны было доказать невиновность брата. Ускользя шаг, она пошла вверх по мощеной улочке.

Глава 3

После того как Анастасий Заридес ушел, Константин остался стоять в комнате с ярко-желтыми стенами. Этот лекарь очень интересный человек и, весьма вероятно, может оказаться полезным союзником в предстоящей битве в защиту православной веры от посягательств католического Рима. Анастасий умен, проницателен и явно получил хорошее образование. Рим со своей любовью к насилию ничего не мог предложить таким, как этот лекарь. Если он обладает терпением евнуха, гибким умом и чуткостью, тогда порывистая бестактность латиняна будет ему так же противна, как и самому Константину.

Но вопросы, которые задавал Анастасий, встревожили епископа. Он полагал, что после того, как Антонина казнили, а Юстиниана изгнали, дело о смерти Виссарияна закрыто...

Константин ходил взад-вперед по мозаичному полу.

Юстиниан не упоминал о том, что у него есть близкие родственники. С другой стороны, люди редко говорят о своих двоюродных и троюродных братьях.

Если бы Константин не соблюдал осторожность, могла бы возникнуть масса неудобных вопросов. Но даже с этим довольно легко было справиться. Никто не догадывался о его роли в этом деле и о том, почему он помогал Юстиниану, просил о снисхождении для него — умолял сослать его в Иудею, хотя мог бы и не делать этого.

Анастасий Заридес может пригодиться ему, если он и в самом деле искусный лекарь. Он прибыл из Никеи, города, жители которого славятся своей образованностью, а значит, наверняка общался там с евреями и арабами и, возможно, почерпнул кое-что из их учений. Константину не нравилось признаваться в этом даже самому себе, но такие люди иногда оказывались более опытными, чем лекари, учившиеся медицине только у христиан, по убеждению которых болезни — это следствие грехов.

Если у Анастасия больше навыков, чем у обычного лекаря, рано или поздно у него будет много пациентов. Когда люди болеют, они испытывают страх. Думая, что умирают, они иногда делятся секретами, которые в противном случае старались бы сохранить.

Остаток дня Константин занимался церковными делами, встречался со священниками и прихожанами, которые просили его об

Об авторе

Энн Перри является автором бестселлеров о викторианской Англии: серии о монахе Вильяме, среди которых «Execution Dock» и «Dark Assassin», и о Шарлотте и Томасе Питте, из которых следует особо отметить «Buckingham Palace Gardens» и «Long Spoon Lane». Она также написала несколько исторических романов о Первой мировой войне — «No Graves As Yet» и «Shoulder the Sky», «Angels in the Gloom», «At Some Disputed Barricade» и «We Shall Not Sleep», и семь развлекательных романов, последний из которых — «A Christmas Promise». Энн Перри живет в Шотландии.

Посетите ее вебсайт по адресу www.annperry.net.

Літературно-художнє видання

ПЕРРИ ЕНН
Блиск шовку

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *О. В. Пунько*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 11.12.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literatuppa». Ум. друк. арк. 28,56. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

ПЕРРИ ЭНН
Блеск шелка

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *Е. В. Пунько*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 11.12.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literatuppa». Усл. печ. л. 28,56. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Константинополь, кінець XIII століття. Щоб звільнити несправедливо ув'язненого брата Юстиніана, молода і відважна Анна Ласкарис прибуває до візантійської столиці, прикидаючись євнухом. Анна працює там лікаркою і знайомиться зі знаменитою Зоєю Хрісафес. Зоя спільно з єпископом Костянтином готує підступну змову проти візантійського імператора Михайла Палеолога. Інтриги й таємниці, зрада й дружба, масштабна війна двох християнських конфесій — у центрі цих подій опиниться тендітна жінка, яка має врятувати імперію, родину й кохання.

Перри Э.

П26 **Блеск шелка** : роман / Энн Перри ; пер. с англ. О. Благинной. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 544 с.

ISBN 978-617-12-4333-0

ISBN 978-0-7553-3908-2 (англ.)

Константинополь, конец XIII века. Чтобы освободить несправедливо заключенного брата Юстиниана, молодая и отважная Анна Ласкарис прибывает в византийскую столицу в обличье евнуха. Анна работает там лекаркой и знакомится со знаменитой Зоей Хрисафес. Зоя вместе с епископом Константином готовит вероломный заговор против византийского императора Михаила Палеолога. Интриги и тайны, предательство и дружба, масштабная война двух христианских конфессий — в центре этих событий окажется хрупкая женщина, которой предстоит спасти империю, семью и любовь.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)